

Татьяна Вигилянская

ПУТЕМ ТРАГЕДИИ К РАДОСТИ БЫТИЯ

Что делать?

Родители. Прошло вот уже лет 15 с тех пор, как московская молодежь 1990-х, «настигнутая радостью» обретения веры, наполнила церкви и монастыри столицы.

Боже мой, сколько вопросов предстояло решить нам в нашей совершенно новой жизни, после того, как схлынула волна первого восторга перед открывшейся вечностью! Что делать? Бежать от мира, потому что он уст-

ремлен в пропасть и расточителен на соблазны? Да, многие так и сделали, защитив себя от соблазнов мира черной мантией. А для тех, кто по тем или иным причинам не «вселился в пустыню», море соблазнов и вопросов разлилось в неумолимой безбрежности. Что делать? Заниматься любимым делом, невзирая на нищету, в то время как для окружающих не существует слова, возжеленнее слова «богатство»? Или все-таки ради семьи поступиться идеалами и отдаться общей необходимости зарабатывания где и как получится? И какой образ избрать себе в мире? Демонстративно носить на себе печать «грядущего во Иерусалим»? Или, отдав «кесарево кесарю», ничем не выделяться внешне, думая больше о внутреннем стремлении во град Божий? (Знаю таких людей, которые нарочито рваные ботинки 1990-х сменили на суперсовременные сапожки XXI столетия, не изменив при этом веру!) А телевизор! Остановить его тлетворное дыхание, перерезав его электронную вену? Или заставить его вещать то, что интересно и важно знать о мире, частью которого мы являемся? Что делать?

Дети XXI века

Дети. Не успели мы ответить вопрошающей нас действительности, как новая лавина вопросов нахлынула на нас: стали подрастать наши дети.

Все вопросы, связанные с детьми, можно суммировать в один генеральный: какую прививку мироотреченности сделать им? То есть как помочь им не растратиться на пестрые (увы, очень пестрые, очень привлекательные сейчас, больше, чем в нашем детстве) соблазны современного расцвеченного мира? И как, с другой стороны, спасти их от иллюзии и губительного успокоения обретенности истины, от лицемерия, ханжества? Как научить их бежать сетей дьявольских, но при этом любить и жалеть попавшихся в эти сети? Как сделать жизнь их разнообразной и интересной, не изменяя при этом главному в их жизни, тому, что некогда мы восприняли как драгоценный дар?

Как спасти детей от иллюзий?

Воскресная школа. Aut nihil, aut bene. Вот, собственно, вопрос о том, как избежать однообразной монотонности при обращении к предмету веры, и поставил перед нами, родителями детей воскресной школы Сретенского монастыря, наш духовник и наместник монастыря арх. Тихон Шевкунов. Чем занять детей воскресной школы, чтобы поистине высокое было живым, трогало, проникало в души, а не выцветшим сереньким лубком стояло где-то на периферии детского сознания? Или не давило бы на юные умы бесцеремонной дидактичностью, подавляя все рождающиеся в них мысли?

Как научить ребенка мыслить свободно, добровольно и радостно выбирая доброе, вечноценное?

И вот, первый же проект, предложенный архимандритом Тихоном, задал нашей деятельности в воскресной школе совсем необычное направление, вместе с тем подарив нам ту самую форму приобщения детей к высокому, серьезному, нравственному, которую мы искали. Это был проект театральной студии. Дело было месяца за полтора до Рождества, и по сложившейся во всех воскресных школах традиции предстояло показать какой-нибудь праздничный спектакль. Есть множество старинных и современных сценариев рождественских спектаклей. Среди них есть и достойные. Но мы поняли, что все это, виденное детьми много раз, не вызовет в их сердцах отклика. Ведь это не служба, не литургия, где таинственным образом человек присутствует при реальном событии праздника, где он соприкасается с вечностью. И именно присутствие вечности делает службу церковную, повторяйся она хоть миллион лет, неповторимой и вечно открывающей новые смыслы. Увы! с живыми картинами и инсценировками не может происходить ничего подобного.

Шекспир для
малолеток

И вот отец Тихон предлагает поставить на Рождество Шекспира! Идея эта звучала, конечно, вполне авантюрно. Но это тот самый здоровый авантюризм, который лежит в основе всех великих начинаний. И эту идею мы все восприняли с большим энтузиазмом.

В самом деле, очень не хотелось всей той скучищи, которую часто выдают за духовно-нравственное детское творчество. Нет!

Перефразируя известную латинскую поговорку, о духовном – *aut nihil, aut bene* (или ничего, или хорошо): так хорошо, чтобы детские глаза сверкали вдохновением и радостью не для умиленных взрослых, а для самих себя, попросту искренне. А разве жестокая обида, нанесенная отцу, не тронет сердце шести-десятилетнего ребенка? Или высокие чувства двух любящих сердец оставят равнодушными подростка, для которого дружба, понимание сверстников куда важнее нравочений взрослых? А образ нежного сердцем, верного до конца, до смерти датского принца, страдающего от людского коварства, лжи и лицемерия, не поможет юноше на пороге вступления в жизнь, заставляющую постоянно делать выбор?

На Рождество мы стали готовить три трагедии Шекспира, точнее эпизоды из «Короля Лира», «Ромео и Джульетты» и «Гамлета». Был приглашен профессио-

Королю Лиру едва исполнилось шесть

нальный режиссер, Игорь Неупокоев, человек совершенно необычный. (Необычен он в том числе и тем, что создал «Театр простодушных», актеры которого – люди с синдромом дауна. Но о нем отдельный разговор).

Были отобраны юные актеры. Королю Лиру едва исполнилось шесть. Гамлету – семнадцать.

Трагедия. Камень преткновения. И вот когда спектакль уже зародился в утробе нашего театра, когда первые признаки его созревания радовали наши сердца и мы делились восторгом со знакомыми, людьми разного круга, разных взглядов и верований, мы были удивлены, что далеко не всех это восторгает как нас. «Шекспир детям? Зачем? Ведь есть же прекрасные детские сказки, специально детские. Вам хочется высокого ис-

Ребенок – король Лир

кусства – возьмите сказки Пушкина! Зачем выпенд্রেж с Шекспиром? Вообще ребенок-ангел и мрачная трагедия – две вещи несовместимые», – говорили одни. «Шестилетний король Лир? Весьма оригинально, но не остроумно. Ну что такой «актер» может понять о своем герое? Это просто профанация искусства», – обижались другие. А третьи обижались еще больше: «Ну что это

такое? Рождество, Пасха – при чем тут Шекспир? Речь должна идти о Божественном, о победе жизни над смертью».

Таким образом, трагедия явилась камнем преткновения, объединив, однако, против себя людей церковных и совершенно светских. Мы не ожидали такого резонанса. Мы задумались. И после долгого рассуждения и анализа стали убежденными апологетами трагедии.

Реальная трагичность мира

Апология трагедии. Собственно, когда несомненная трагичность мира пугает людей материального сознания (а именно таково сознание большинства в современном мире), это мало удивляет. Это даже логично. В самом деле, если после такой, в лучшем случае, полной утомления и пресыщенности, а в худшем – и очевидными страданиями, жизни человека ждет небытие, то давайте хотя бы область детства, хотя бы этот крошечный кусочек жизни сделаем для маленьких человек розово-безоблачным, феерично-хрустальным. Давайте хотя бы сюда не дадим проникнуть этим мерзким сквозняком безобразной трагичности. *И вот сердобольными, гуманными*

взрослыми создается счастливый розовый мир fantasy. И придуманная недалёковидными взрослыми детская индустрия фабрикует все в стиле Барби. Нет, не только игрушки, одежду, но, пользуясь чудовищным орудием современной культуры – массовостью, штампует мысли и даже парадигмы поступков розовощекого населения своей Барби-страны. Но все-таки как-то же надо оповестить счастливых безмятежных малышей о присутствии зла в мире! Да. Но чтобы не поранить их нежные души, нужно сделать зло привлекательным. И вот появляются «милые», а главное, «добродушные» монстрики (самый добрый из них, конечно, Шрек), скелетончики и прочие «инопланетяне». И вот, вроде бы все уравновешено, никто не забыт, не обижен.

Трагедия – настоящая горе и беда! Нет, вот этого вот не надо! Это диссонанс в нашей ловко сфабрикованной (специально для деток) песенке про жизнь. Счастье! Сквознячки все-таки просачиваются сквозь щели в розовом хрустале. А иногда трагическим вихрем попросту рушат иллюзорный (ах, такой все-таки уютный!) Барби-мирок. И заметно побледневшие Барби-ребятишки лихорадочно перебирают скудные запасы хиленьких «шпаргалочек», пытаюсь понять, как же реагировать на все это невиданное безобразие.

Скорбные обстоятельства жизни и Барби-Шреко-мир

Жизнь будет кидать всех, в том числе и несчастных, ничем не вооруженных детишек из Барби-Шреко-мира, в непонятные им, скорбные обстоятельства! И от них не отмахнуться жеманной барби-ручкой и не прогнать капризной барби-ножкой! Да что я говорю! Даже обворожительная и многозначная барби-гримаска не сработает! И наши несчастные, не готовые к встрече с реальностью барби-дочки и шреко-бионикло-сыночки окажутся раздавленными реальной трагедией, ворвавшейся, минуя все охраны, из реальности в так чудно созданный и старательно отрегулированный, розовокремовый мир. И дай Бог, чтобы в эту минуту кто-нибудь самый непрогрессивный, невероятно старомодный шепнул в ушко наших куколок слова не из затертых шпаргалочек: «Верую, Господи, помоги моему, несчастной, обманутой Барби, неверию!»

Трагедия и мир душевный. Но, еще раз повторимся, когда трагедию из детской жизни всеми правдами и неправдами изгоняют люди материального сознания, их можно объяснить. И пожалеть...

Помню, одна очень благочестивая, очень симпатичная учительница словесности недоумевала: «Ну зачем детям Достоевский? Вообще зачем Достоевский, вечно копающийся в душах каких-то отбросов человечества? Я не могу его читать, он просто нарушает мой душевный мир!»

Зачем трагедия детям?

Зачем трагедия детям? Этим ангелоподобным существам? Зачем омрачать такую безоблачную пору? Ошибка взрослых состоит в том, что их воспоминание о детстве оскудело настолько, что оставило в памяти лишь одну, да, характеризующую детство, но далеко не единственную черту нежного возраста – инфантильность. Именно к этой черте и только к ней апеллирует зачастую творчество взрослых о детях. Поэтому так много дико неестественного в произведениях детских писателей, так много уродливой псевдонепосредственности и кривлянья в детских песенках и телепередачах. И так мало, увы, глубокого, нужного...

Детство – исключительно серьезная пора

А ведь детство – это исключительно серьезная пора. Вот именно сейчас, в детстве, ребенок с распахнутым сердцем и открытой душой познает мироздание. И именно сейчас, в детстве, единственно важное, вечноценное

может по-настоящему быть ему интересным. А мы спешим занять умы алчущих вечной правды и красоты детей карикатурой на их поистине прекрасный мир. И вот по нашей вине они могут не встать на тот единственный путь, на котором могут встретиться с собой, а через себя с Создателем. И путь этот, конечно, лежит через трагедию. *Трагедию как начало земной человеческой истории* (ведь первая трагедия человечества произошла

в Эдемском саду), *трагедию как неизбежность всех человеческих жизней*. И наконец, именно на этом пути встретит ребенок Победителя трагедии – Христа.

А если представить человеку с самого начала мир нетрагичным и радужным, мы не только явимся обманщиками, но и уберем всю соль жизни, сделав ее пресно-утомительной.

Осознание трагичности мира делает человека свободным

Трагедия и в общечеловеческом смысле, и как жанр подразумевает обращение к вещам онтологическим, вечным. Герои трагедии призваны решать главные вопросы бытия. Именно трагедия (во всяком случае, первоначально только она) несет очищение и примирение через преодоление или даже через одно противостояние героя всем последствиям утраты человечеством челове-

ческого. Трагедия не несет в себе безысходного скепсиса, но обнажает язвы, одним своим противостоянием пороку неся залог победы.

Осознание и принятие трагичности мира делает человека свободным. В то время как дрема, например, псевдохристианской успокоенности, умиленности собой, не есть уход от трагедии. Трагедия в таком случае обращается в подводный камень, натываясь на который неизбежно рушатся любые стили.

Настоящая радость
рождается
в страдании

Трагедия и радость. Две вещи несовместимые? Еще раз о главном: нужно ли пору детства омрачать трагизмом?

Хотим ответить всем нашим оппонентам сразу, суммируя все вышесказанное.

Первое. Трагедия не омрачает, потому что и сама не несет в себе мрака, служа проявлению лучшего в человеке в экстремальной ситуации, а потому укрепляет веру в человека, в человеческое достоинство.

Второе. Приобщение ребенка уже в первые годы детства к подлинно трагичному научит его, искать ли в искусстве вечноценного или «эффекта, занимательности и возбуждения», заполнять ли пустоту души суррогатами массового искусства – «шумом, треском, дребезгом и нервной щекоткой», или искать вечной радости, рожденной «из духовной глубины, дострадавшей до одоления и озарения» [1].

Настоящая радость рождается в страдании. Через преодоление страданий в трагические моменты своей жизни человек преображается.

---

1. Ильин И.А. Одинокий художник: Статьи, речи, лекции. М., 1993. С. 243–244.

